

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Сто лет Николая Глебова

В Пермском ТЮЗе отпраздновали двойной юбилей любимого артиста

Юлия Баталина

В последнее время модно называть символические изображения «иконными», а символы, соответственно, — «иконами». Именно это слово приходит в голову, когда заходит речь о заслуженном артисте России Николае Глебове и его отношении к Пермскому театру юного зрителя. Глебов — «икона» ТЮЗа. Но сам он это слово по отношению к себе ни за что не примет. Он скромный.

«Мы говорим ТЮЗ — подразумеваем Глебов! Мы говорим Глебов — подразумеваем ТЮЗ!» — шутила 27 мая на вечере, посвящённом юбилею Николая Степановича, исполнительный директор фонда «Жемчужина Урала» Лидия Лисовенко; и если в каждой шутке есть доля истины, то в этой — просто сплошная истина!

Глебов сегодня — последний, единственный оставшийся в Перми артист из семерых, прибывших в феврале 1982 года из Магнитогорска вместе с новым художественным руководителем Михаилом Скомороховым.

Осталось их двое, отцов-основателей нынешнего ТЮЗа — Глебов и Скоморохов. Они удивительно похожи: оба — выходцы из деревни, оба — седьмые дети в многодетных семьях. Оба сочетают в себе высокий артистический талант и природное, «от сохи», чутьё. В Глебове это сочетание особенно поражает: сохраняя простоту и крестьянскую застенчивость, он в то же время удивительно интеллигентен. Николай Степанович — это такт, предупредительность и чудесная литературная речь.

Скоморохов Глебова хорошо знает и очень ценит. Не случайно к его 60-летию он устроил бенефис с роскошным капустником.

Постоянные зрители ТЮЗа знают: «на Глебова» можно идти, не осо-

бо разбирая, что за спектакль дают, не ошибёшься — Глебов плохо играть не умеет. Об этом много говорили в юбилейных поздравлениях. Художественный руководитель «родственного» Театра кукол Дмитрий Заболотских сказал так: «Большое счастье быть актёром, каждая роль которого заметна. Коля, ты большая часть пермской театральной культуры!»

В самом деле, проходных ролей у Глебова нет. Начиная с первой — майора Ковалёва в «Ах, Невский!» по гоголевским повестям и до последней на сегодняшний день — петербургского ростовщика в водевильном вечере «Беда от нежного сердца».

На сцене в юбилейный вечер разместились деревенские окна из шукшинского «Охота жить!», где юбиляр сыграл абсолютно бенефисную роль Сергея из рассказа «Сапожки», и самолёт из «Чонкина», в котором Глебов исполнил сразу две роли — тракториста Лукова и уморительного идиота капитана Миляги. А в центре сцены — стилизованная «под деревню» поздравительная надпись: «60+40=100»: речь идёт о годах жизни и годах работы на сцене.

И Сергей, и капитан Миляга, и трогательный Сарафанов из «Старшего сына» Вампилова (в ТЮЗе спектакль называется «Предместье»), и петербургский ростовщик в тот вечер снова предстали перед зрителями.

Многие зрители пришли в первую очередь ради актёрского капустника.

Героями шоу стали классические персонажи, страдающие оттого, что Глебов их не сыграл. Например, Константин Треплев с окровавленной повязкой на лбу и дохлой чайкой в руке, который декламировал: «Я Треплев, и не раз претендовал, чтоб Николай меня играл!» и рассуждал о том, что если Треплева будет играть такой мачо, как Глебов, то его счастливо-го соперника Тригорина должен воплотить не иначе как Ван Дамм!

Как все хорошие капустники, этот был забавен тем, что очень правдив. Глебов, хоть и деликатен до умопомрачения, в самом деле мачо. Мужик! И не только потому, что в идеальном порядке содержит родительский дом на Волге — дом, которым можно гордиться: с нарядными наличниками, мезонином и палисадом, — но и потому, что есть в нём что-то такое, от чего женщины млеют.

Помнится, когда Скоморохов поставил «Идиота», можно было определять психологический тип девушки-зрительницы по тому, кто из главных героев ей нравился: если Мышкин (Владимир Шульга) — значит, интеллектуалка, если Ипполит (Александр Володеев) — то очень эмоциональная, а если Рогожин-Глебов — стало быть, темпераментная!

В капустнике не сыгранных Глебовым персонажей сменили его коллеги. Заслуженные артистки России Наталья Попова, Ирина Сахно, Валентина Лаптева, Ирина Шишенина пели: «Коля! Мы это не забыли — как ты на сцене нас охмурял!» И в самом деле, с каждой из них у Глебова на сцене складывались романтические отношения. Но не в жизни: у Николая Степановича жена — единственная и неповторимая, первая и последняя.

Затем на сцене появились... психи из легендарной «Вальпургиевой ночи» Венедикта Ерофеева — самого шумевшего спектакля Скоморохова. Что ни актёр — то личность, практически равная самому Глебову: Вячеслав Тимошин, Александр Калашниченко, Павел Ознобишин, Николай Фурсов и — конечно! — Валерий Серёгин. «Коля, из какого мрамора тебя высечь за то, что ты все эти годы терпишь нас, идиотов?» — вопрошали коллеги.

В финале вечера самолёт Чонкина, который тихонько стоял в глубине сцены, «выстрелил», как положено любой присутствующей в театральном пространстве боевой технике — выехал на авансцену, неся на себе персонажей фантасмагории во главе с Господом Богом (Александр Шаров), который спросил у Глебова, чего он в жизни хочет. И Николай Степанович с подкупающей искренностью ответил, что не хочет ни богатства, ни власти. А хочет ещё раз прожить эту, такую счастливую, но, увы, такую мимолётную жизнь. ■

ФОТО — АЛЕКСАНДР МЕДВЕДЕВ

100 лет Николая Глебова — это 60 лет жизни + 40 из них — на сцене